

А. А. СКОРОМЕЦ

Ступеньки к вершинам,

или

Неврологические сомнения

Александр Анисимович Скоромец Ступеньки к вершинам, или Неврологические сомнения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27345622

А.А. Скоромец. Ступеньки к вершинам, или Неврологические сомнения.

Иллюстрированные штрихи биографии: Политехника; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-7325-0711-9

Аннотация

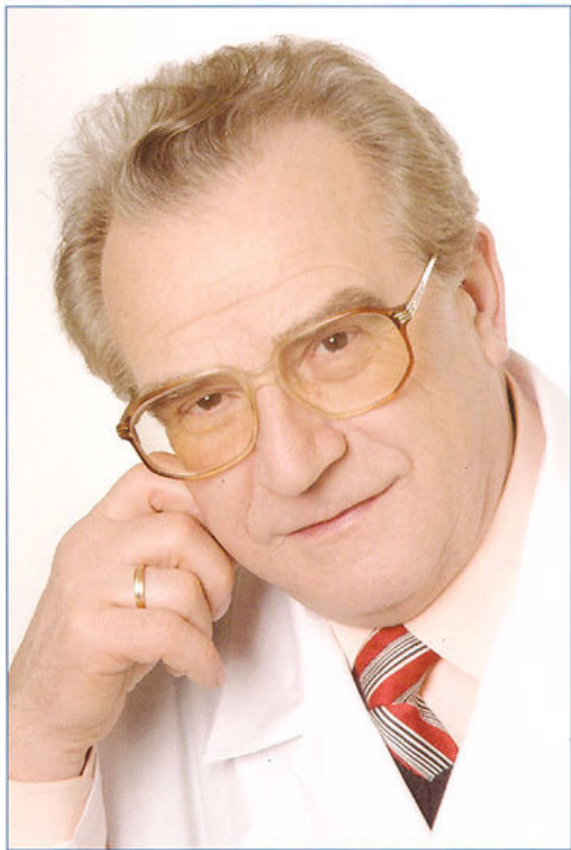
Автор, всемирно известный невролог, свои автобиографические рассказы богато иллюстрирует профессиональными наблюдениями из личной практики. С присущим ему врожденным чувством юмора ученый излагает путь собственного становления в неврологии, анализирует и сопоставляет эпизоды личной жизни с историческими фактами, что делает книгу интересной, поучительной и полезной не только многочисленным ученикам, коллегам, но и любому читателю.

Содержание

Моя «постаральная» книга	8
Эпизоды из семейной хроники	18
Сквозь тьму и вьюгу	19
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Александр Скоромец
Ступеньки к вершинам,
или Неврологические
сомнения.**

**Иллюстрированные
штрихи биографии**

Посвящаю своим родственникам,
друзьям, учителям, коллегам и
компаниям начеткам.

© А. А. Скоромец, 2015

© Издательство «Политехника», 2015

Автор выражает искреннюю благодарность

спонсорам: генеральному директору ООО «Герофарм» г-ну *Петру Петровичу Родионову*, медицинскому директору этой фирмы профессору *Марку Михайловичу Дьяконову*; директору представительства в России фирмы «Шеринг АГ» д-ру *Манфреду Паулю*, руководителю отдела специализированной терапии *Маргарите Витальевне Михеевой*, директору Северо-Западного филиала ЗАО «Шеринг АГ» г-же *Алле Эдуардовне Губенко*; президенту компании «Никомед Россия – СНГ» г-ну *Йостейну Девидсену*, ее коммерческому и региональному директору проф. *Иллариону Николаевичу Бойко*, территориальному менеджеру по Северо-Западному региону и Центральной России д-ру *Алексею Владимировичу Слобожанину*; генеральному директору ЗАО «Си Эс Си Лтд.» г-ну *Марино Касторина* и его представителю по Санкт-Петербургу и Северо-Западу РФ д-ру *Марине Михайловне Буслаевой*; руководителю группы неврологических препаратов фирмы «Берингер Ингельхайм ГмбХ» д-ру *Сергею Евгеньевичу Пьяных* и региональному директору Северо-Западного округа РФ д-ру *Александру Евгеньевичу Бо-*

лотину; директору представительства АО «ЭГИС» на Северо-Западе России г-ну *Дмитрию Григорьевичу Рубину* и региональному менеджеру этой фирмы д-ру *Ольге Игоревне Горячевой*; академику Российской инженерной академии генеральному директору ОАО «Судостроительная фирма "Алмаз"» г-ну *Леониду Герасимовичу Грабовцу*; директору ЦБУ «Питер» г-ну *Ивану Яновичу Сараголе*, старшему вице-президенту «Номосбанка» г-ну *Виктору Ивановичу Петернову*, вице-президенту «Номосбанка» г-ну *Мурату Зикешевичу Сатаеву*, финансовому директору ЗАО «ИСТ» г-ну *Валерию Ферапонтовичу Задорожному* и другим, без финансовой помощи которых книга не увидела бы свет.

Автор глубоко признателен за печатание рукописи лаборанту нашей кафедры *Ирине Семеновне Никитиной*, за первичное редактирование рукописи журналистке *Людмиле Алексеевне Осокиной*, за дружеские советы и помощь всем сотрудникам кафедры и клиники неврологии СПбГМУ им. акад. *И. П. Павлова*, а также членам моей семьи.

Моя «постаральная» книга (Вместо предисловия)

Я долго сомневался – писать или воздержаться от изложения воспоминаний о пережитом за свои семь десятилетий жизни. В конце концов решил поделиться и опытом, и накопленной информацией, и самыми запомнившимися событиями по следующим соображениям. Во-первых, как врач по опыту своих многочисленных пациентов знаю, что с возрастом память начинает подводить и даже может прочно и надежно исчезнуть и тогда, читая собственные записки, будешь удивляться «новой» информации и поверишь в тезис: «Детство вернуть невозможно, но впасть в детство можно!» Во-вторых, информация о генеалогии рода будет полезной близким родственникам, чтобы не повторялась история «Ивана, не помнящего родства», что случилось с представителями целой исторической эпохи, неудачно пытавшимися построить справедливое общество для всех – социализм и коммунизм – на территории Российской империи. Я, как и все мои товарищи, тоже выполнял эпохальную миссию строителя светлого будущего, причем делал это искренне, честно, уверенно и с энтузиазмом. И сейчас, после развала СССР, верю, что социализм и коммунизм – наиболее справедливое общество для жителей планеты, и мне даже удалось ре-

ализовать лучшие идеи в пределах небольшого коллектива кафедры и клиники неврологии медицинского вуза. В-третьих, многие коллеги уговаривали «запечатлеть» некоторые поучительные истории из личной и профессиональной жизни, чтобы понять мотивы и логику оптимального реагирования, особенно в нестандартной ситуации.

Писал эти воспоминания в «свободное» время командировок как в пределах родного Отечества, так и за его рубежами. В последнее время это случалось нередко – по 10–14 раз в году, поэтому удалось собрать и часть воспоминаний и впечатлений от многочисленных поездок. В общем, я старался не тратить бесцельно время, в котором пребываю и радуюсь каждому прожитому дню. А посему книга, которую вы держите в руках, по праву может называться «постаральной». Это означает, что я очень постарался, чтобы ее написать и подготовить, используя свободные часы длительных перелетов, например в США, Австралию, а также вечера и ночи вдали от дома. На работе и дома практически не удается выкраивать время для воспоминаний и размышлений. Рациональная уплотненность каждого рабочего и «выходного» дня текущими делами и задачами позволяет иметь «свободное время» разве что за рулем. Пожалуй, только в автомобильных пробках удастся поразмыслить и окунуться в воспоминания. А посему, дорогой читатель, сразу приношу извинения за фрагментарность изложения, которое никак не свидетельствует о непоследовательности (скачке) моих мыслей, –

это лишь объективное доказательство написания урывками.

Приближающийся собственный юбилей приводит к мысли не столько подвести итоги, сколько зафиксировать в более надежной памяти, чем человеческий мозг, основные периоды и моей творческой деятельности, и обстановки, в которой жил и трудился. Хочется разделить с читателем те переживания и впечатления, которые сохранились в памяти за две трети прошлого века. Действительно, я прожил большую часть XX века – весьма важного в истории человечества периода, наполненного небывалыми успехами цивилизации и трагическими событиями – мировыми войнами, распадом колоссальных империй, потрясениями, которые пережили почти все страны планеты. Кроме того, мне посчастливилось жить и при смене тысячелетий.

Считаю правильным описывать личное восприятие тех или иных событий исключительно на основе чувств и переживаний, а не при помощи каких-либо исторических документов или литературных источников. Настоящая История – это факты, имевшиеся в жизни индивидуумов. Ретроспективно изменить эти факты неподвластно никому. Поэтому историография – это уже вымысел постфактум, трактование факта, которое весьма индивидуально и произвольно. Любые исторические умозаключения не могут быть догмой, хотя, разумеется, думающему человеку всесторонний анализ планетарных событий и их последствий помогает выбрать рациональный (оптимальный) вариант решения сиюминут-

ных и дальнесрочных проблем в его индивидуальной жизни, но при этом важно знать свою историю.

Современные исследователи генома человека утверждают, что человек появился 147 тысяч лет тому назад и у всех народностей просматривается единый предок – мать – из Африки. Об этом мы знаем по совместным генетическим исследованиям с японскими неврологами и генетиками хромосом наследуемой болезни мышц – лице-лопаточно-перонеальной миодистрофии Ландузи – Дежерина и сходных с нею болезней. Имея суперсовременную генетическую лабораторию в Токио, японские исследователи были заинтересованы в получении хромосом от людей с одинаковыми проявлениями болезни, но живущих на разных материках планеты – в Австралии, Америке, Африке, Азии и Европе. На первом этапе японские неврологи приезжали в Россию, чтобы лично убедиться в одинаковой трактовке одной болезни. Наш бывший аспирант Валерий Казаков занялся исследованием динамики поражения мышц при лице-лопаточно-перонеальной миодистрофии Ландузи – Дежерина. (В 1920-е годы в Ленинграде несколько семей было описано профессором Сергеем Николаевичем Давиденковым, автором монографии «Наследственные болезни нервной системы» (1932), который по праву считается основателем нейрогенетики. В 1961 году мне посчастливилось слушать его доклад на заседании Ленинградского научного общества неврологов. Тогда ему исполнилось 80 лет, и, к сожалению, летом того же года

он скончался на даче в Комарово за чтением иностранных неврологических журналов.)

Так вот, Валерию Михайловичу Казакову разрешили изучить истории болезни пациентов с этим заболеванием в архиве Института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова. Активную помощь оказала работавшая на кафедре нервных болезней (которой заведовал профессор С. Н. Давиденков) доцент Зинаида Владимировна Знойко, жена моего учителя Дмитрия Константиновича Богородинского. Наблюдения профессора Давиденкова стали стартовыми в изучении этой болезни. В описанных им семьях появилось еще 2–3 поколения, которые наблюдали уже мы, периодически публикуя свои результаты в отечественной и зарубежной литературе. О нас знали неврологи мира, и приглашение участвовать в таком международном генетическом исследовании было закономерным. Задача наших сотрудников состояла в том, чтобы сделать заборы крови как можно у большего числа членов рода – семей с наследуемой болезнью. А когда собиралось 30–40 проб, В. М. Казаков или Д. И. Руденко отправлялись в командировку в Токио. Ген, ответственный за лице-лопаточно-перонеальную миодистрофию Ландузи – Дежерина, был найден. Однако право на публикацию этих исследований японцы оставили за собой...

Вместе с тем в последние полтора десятилетия мы принимаем активное участие в клинических исследованиях новых лекарственных препаратов, разрабатываемых за рубе-

жом. По всем правилам доказательной медицины (рандомизированным двойным слепым плацебоконтролируемым методом) нами исследовано несколько десятков новых лекарственных препаратов. Из них высокоэффективными оказались следующие: при сосудистой патологии нервной системы – кортексин, Вессел Дуэ Ф, глиатилин, инстенон, актовегин, луцетам; при рассеянном склерозе – бетаферон; при паркинсонизме – мирапекс; при спондилоартрозах – мовалис; при депрессии – триттико и др.

(Далее следовал рассказ об истории заселения земель моей малой родины со скифского периода до начала XIX века – фрагмент дофамильной истории, однако он получился объемным и решили его опустить.)

При чтении художественных произведений мне, например, всегда очень интересно узнавать о повседневных условиях, в которых жили люди в прошлом. Сейчас даже не верится, что можно было обходиться без электричества, радио, телевидения, холодильников, автомашин и самолетов...

Однако я помню 50-е годы XX века, когда в селах Украины впервые зажглись электрические лампочки. В школьной программе значились стихи:

Колысь дым від каганця
Выйдав нам очи,
Теперь лампа Ильича
Свіить дні и ночі.

А до этих счастливых событий, в 20-е годы XX века, моя родная бабушка по материнской линии Марфа Андреевна (в девичестве Руденко), успевшая родить семерых детей, пролила керосин, заправляя каганец, устроила в хате пожар и сгорела.

Мы удивляемся, как люди жили в прошлые века, но с грустью обнаруживаем, что и теперь многие жители заброшенных деревень и поселков России живут без электричества, радио, телефона, телевидения, нет современных дорог, удобных домов и т. д. Наряду с этим нынешние богачи – около 10 процентов всего населения – купаются в роскоши и пресыщены всевозможными удовольствиями. Видно, как несправедлива жизнь, как она по-разному относится к людям. И не секрет, что обездоленными у нас являются не только лентяи, тунеядцы, пьяницы, бродяги и психически нездоровые личности, не только люди, не обладающие предприимчивостью, но и вся прослойка истинной интеллигенции, которая как раз и обеспечивает научно-технический прогресс, создает цивилизацию.

Мне посчастливилось большую часть жизни прожить в СССР в условиях строящегося социализма и призывов к построению справедливого коммунистического общества. Известно, чем это кончилось – развалом СССР, самороспуском компартии как идеолога коммунизма, огромным расслоением общества, разгулом дикого капитализма и откровенного бандитизма. Грустно.

К сожалению, политики во все времена пытаются оправдывать свои деяния, ссылаясь на исторические факты, но освещают их только с выгодной для себя стороны. Поколения свидетелей и творцов истории переживают смену тысячелетий – второго на третье от Рождества Христова, – понимая, что основная часть цивилизованного человечества избрала именно эту точку отсчета современного летосчисления. Мы живем в 2000-е годы, когда время, словно разбушевавшийся океан, характеризуется новым всплеском переиначивания исторических фактов. Велика роль личностей в истории человечества. И не приходится сомневаться, что одни личности направляют свою энергию на созидательные процессы, а другие – на разрушительные. Все исторически значимые общественные процессы (эпизоды) исполняются народными массами, которые, как загипнотизированные своими кумирами (вождями, правителями), выполняют запрограммированные Личностями решения, нередко вопреки своему здравому смыслу и чисто человеческой пользе. Как можно охарактеризовать высказанное кредо первого президента независимой Украины Л. Кравчука, который заявлял: «В 1939 году западные области Украины насильно были присоединены к Советской Украине, а теперь ставлю задачу – Советскую Украину присоединить к Западной...»? Несмотря на то что название «Украина» происходит от «окраины» Киевской Руси, сегодня руководителям государства строить свою политику, исходя из такого историче-

ского факта, абсолютно неперспективно, а для самих жителей Украины – неблагоприятно.

Сразу хочу сказать, что у меня нет никакого желания подвергать критике кого бы то ни было вне зависимости от занимаемой должности – ни президента или другого руководителя государства, ни рядового труженика общества. По ходу упоминания эпизодов истории будут фигурировать отдельные фамилии, но к ним надо относиться по-особому: упоминаемая действия какой-либо личности (положительные или отрицательные), я высказываю мое отношение не к Человеку, а к действиям Должностного Лица. Моим соотечественникам присуща черта страстно критиковать (порою беспощадно) действующих чиновников (членов правительства всех уровней и рангов) и тям-ляписто исполнять собственные функциональные обязанности, от которых зависит успешность работы общества, а стало быть, и самого правительства, включая президента, директора, ректора, депутата и прочих.

Уже более 15 лет я наблюдаю в реальной жизни все то негативное, о чем говорили на политзанятиях в вечернем Университете марксизма-ленинизма, характеризуя особенности капиталистической системы. Тогда это было не «про нас». Оптимистично надеюсь, что наше общество придет к справедливости и все люди будут жить достойно, соответствуя своему предназначению в ситуации равенства, братства и дружбы.

Следует согласиться с мыслью, что историю надо знать как

самого себя, потому что история похожа на многоэтажный дом, в котором ныне живущие строят последний этаж. Каждое поколение строит свой этаж – все выше и выше. И чем лучше и мощнее фундамент, тем крепче дом. Поэтому надо знать каждый кирпичик своего фундамента. И если строитель, зная о хилом фундаменте, скроет это и будет утверждать, что там гранит, а доверчивые люди надстроят сверху новый этаж, со временем такой дом обязательно развалится...

Эпизоды из фамильной хроники

Внешне я имел большое сходство с дядей – двоюродным братом моего отца – Константином Ивановичем Скоромцом, который родился в 1910 году. Будучи юношей и комсомольцем «первого призыва», он со своим родным братом Петром в 1928 году уехал в поисках земли и счастья на Дальний Восток СССР. Там действительно оказалось много плодородной и бесхозной земли. Оба брата приехали на свой хутор, выбрали по невесте и увезли их в Сибирь – на Дальний Восток, начали обзаводиться хозяйством, обустраиваться и размножаться. Дядя Петро стал жить в Сучанской долине, дослужился до главного бухгалтера сельхозпредприятия, а дядя Костя – до председателя райисполкома в поселке Пограничный, рядом с Китаем. Дядя Костя оказался любителем творчества, а именно – писательской деятельности. Первая наша встреча состоялась в 1960-е годы в городе Заозерный Красноярского края, где я работал неврологом в закрытом городе с почтовым адресом «Красноярск-45». Мы договорились, что дядя Костя напишет все, что ему удалось собрать о нашей родословной с 1840-х годов. Он прислал мне рукопись в ученической тетради с пометкой «Фамильная хроника», и я решил опубликовать ее в этой книге в качестве расширенного предисловия своего появления на свет Божий.

СКВОЗЬ ТЬМУ И ВЬЮГУ Фамильная хроника, написанная К. И. Скоромцом

...Із Ромен та Кролиців – розбрівсь наш рід в широкий світ. Хто в старці, а хто в молодці – а фамилия одна...

*Простому роду не буде переводу.
Із поговірок покійної бабусі Христі*

Чем дальше в глубь веков, тем затруднительнее для ученого дать ответ на множество вопросов: «когда», «где», «кто» и «что» – упущенное неисчислимо, полнота недосягаема.

Поэт не может не считаться с историческими фактами, но обязан ответить на единственный вопрос – «как». Поэт, как и художник, пишет картины, не сомневаясь в свойстве картинного письма создавать впечатление цельности и полноты, прикрывать разрывы и пропуски, которые историку нечем заполнить.

«Поэт – всегда очевидец, хотя бы и родился спустя сотни лет...»

Так, ссылаясь на личный опыт, учил своих собратьев по перу поэт-киевлянин, ныне покойный, Николай Ушаков в своей книге «Повести быстротекущих лет».

Эти мудрые слова опытного мастера пера и побудили меня записать начало «Фамильной хроники» – хроники одного простого рода. Род продолжается и будет продолжаться. Возможно, «Фамильную хронику» и после меня кто-нибудь продолжит, как и род. Уже, может быть, в другом жанре. И потомки в определенный период будут получать эстетическое удовольствие от чтения ее как художественного произведения, исторического документа и хранить ее как фамильную реликвию, как предмет любознательности.

А быть может, в «Фамильной хронике» найдется и ценное зерно для серьезных научных обобщений для историка, со-

циолога, медика и краеведа-этнографа...

...Зима с 1801 на 1802 год выдалась на редкость холодная и снежная. Снег повалил неожиданно рано. За первый день его насыпало чуть ли не до пояса. К ночи под пушистым покровом скрылись все дороги и овражки.

В панике прервалась и стала разъезжаться Роменская многолюдная Михайловская ярмарка. Напуганные снегом, ярмарчане ринулись по домам. А ехать на телегах из грязи да в снег – жуткое зрелище! С визгом прокручивались колеса телег, они обмерзали, тормозили и ехали юзом.

К ночи разразилась буря и на просторах равнин разгулялась сильная пурга. Две ночи и два дня выла вьюга, и все это время вокруг Ромен трезвонили колокола.

Бум!.. Бум!.. Бом! – затянул Бобрик. Бам!.. Бам... ам!.. – подключалась Перекоповка. Бом!.. Бом!.. Ом... Ом... – как оглушение, откликалась звонница Овлашив. Перезванивали в Смелом, в Коровинцах и Недригайлове. Детским плачем отзывались звоны в отдаленных Кролевцах.

Мучений и страху натерпелись за ночь сблудившиеся ярмарчане, которых настигла в пути рассвирепевшая вьюга! Всю ночь по завьюженным полям и перелескам блуждали и тыкались их упряжки во все стороны, не находя нужного направления, хотя бы признаков дороги. Были тут и фасонистые пролетки залетных корнетов, и солидные фаэтоны помещиков, и неуклюжие, но роскошные рыдваны духовенства, и новенькие санчата просолов.

У обочин дороги среди снежной мглы искали приюта жалкие тележки крестьян, воловьи упряжки чумацких возов, и у придорожных верб встречались одинокие пешеходы – это возвращались домой «заробитчане-наймиты» да брели бог весть откуда и куда бездомные нищие, бродяги и другие убогие люди.

Многим смертным ужасная ночь угрожала гибелью. Но ни один пан не пропал! Конечно, не Бог их спасал. Выручали ямщики – добрые молодцы да кони-змеи! Они своих господ из пурги, как из ада, на колокольный звон, к теплым огонькам, словно в рай вынесли.

Смерть и выюга настигали и косили в эти страшные ночи слабых и беспомощных. Они гибли.

На третьи сутки все стихло. Небо прояснилось.

Смельчаки – где пешком пробрели, а где на санках – проехали по насту, проторили хотя и рыхлую еще, но уже пробитую санями дорогу. По ней от хутора к хутору задвигались фигурки конных и пеших. За ними вслед, словно за поземкой, по снегу потянулись к селу слухи и новости. Жуткие новости за две ночи выюга принесла!

Говорили, где-то, то ли в Погребках, то ли на хуторе Суденкова, из-под снега из хатенки-развалюхи вдову с детками задубевшими вытащили. Где-то по Гадячскому шляху возле Зеленского леса волки растерзали слепца и мальчика-поводыря. Не доходя Перекоповки, под забором откопали двух замерзших старушек-богомолок. В Засулье из-под моста вы-

тянули старого-старого деда. Одежда деда латаная-перелатаная. Урядник на одежде умершего заплаты вспорол, а там везде по червонцу припрятано. Еще говорили, что тоже в Засулье какой-то купец шкатулку с деньгами утерял. А денег в той шкатулке полным-полно. Ищет купец деньги, а их уже нет. Вот кому-то счастье привалило! А купец с горя повесился.

Деньги утерянные настораживали слушателей. Новость возбуждала затаенную зависть. А вот об умерших отзывались двусмысленно: «Пожалели?! Бедненькие и померли без покаяния!.. Ну и царство им небесное, отгоревались, убогие! Ох, много ж их по шляхам-дорогам по белу свету ходит! Прости, Господи, их, покойничков, и наши души грешные!»

Но это там, где-то по хуторам, а вот у нас, в Кролевце, на диво дивное и посмотреть можно! Ехали-ехали чумаки в пургу с Ромен, по круче возле глинищных ям отдыхать стабунились: глядь, из-под снега парок поднимается – взяли отрыли, не волк ли там? А там мальчик в тряпье в солому зарылся и спит себе под снегом живой и невредимый! Грязный, босой! Разбудили – умненький, бойкий и такой красивенький. Барин приказал никуда его не отпускать, пусть живет на воловне. Там, на кухне, его всегда покормят! А молодец – хоть и пурга, а выжил! И бегут смотреть поселяне на найденыша, как на диковинку.

От пересказываемых новостей становилось всем как-то жутко. А тут еще подливали масла в огонь старики. А в

мудрость стариков в те времена непререкаемо верили. Они предсказывали: зиме быть лютой, с холодом, а закончится зима голодом. Старухи – те тешили обратным. Снег, мол, пал на талую землю – быть урожаю. Только ждать нужно оттепели с гололедицею, и придут ночи с густыми туманами. От туманов тоже жди беды. Из села не выходи. Из яров и лесов к дорогам нахлынут стаями волки. И, чего доброго, пошаливать у дорог станут разбойники.

А дни шли ясные. Оттепелью и не пахло. Снежок каждую ночь подпорошивал. Утрами по полю, шурша шипящими змейками, тянулась поземка. Заботливые хуторяне общими усилиями от хутора к хутору вдоль наторенных по насту санных дорог везде обозначили предупредительными вешками. Держись, мол, путник, «тычки»: ¹ чуть свернешь – без помочи не вылезешь.

Зима зимой, а жизнь жизнью! Нужда не позволяет людям отсиживаться на месте, в теплых хатах. По заснеженным дорогам, по первопутке пошли они и поехали.

С роменской ярмарки, как ящерицы с нор на солнышко, потянулись задержавшиеся там дельцы – коммерсанты, просолы-гуляки и просто засидевшиеся у родственников или кумовьев гости. Брели нищие. А больше всего тянулось домой с юга «заробитчан-наймитов», т. е. батраков-сезонников.

Возвращались они из Крыма, с Кубани, из Таврии и Бессарабии, Одессы и Астрахани. Всю весну они были в пути, в

¹ Указатели на дороге.

поисках работы. Все лето они жили в работе, не зная всласть ни сна, ни отдыха.

Истекали они потом на сенокосах в казачьих станицах. Гнулись у молдованских господарей на виноградниках. Грузили пшеницу на корабли и баржи, ловили и засаливали рыбу. Строили у мудрого немца Фальц-Фейна оранжереи да вольеры. Домолачивали трехлетней давности пшеницу в хозяйстве распутного «дедушки-духобора».

Ох, как же мечтали эти наивные сельские парни получить от своих «благодетелей» расчет вовремя, в срок! С заработанным «капиталом» в карманах появиться в родных местах! Походить в Ромнах на многолюдной ярмарке. Приодеться во все новенькое и показаться перед девчатами на родных хуторских «досвитках» в лучшем виде. В лакированных гамбургских сапожках под вид бутылок. В смушевых шапках, в высоких картузах с блестящими козырьками, в пиджаках из темно-синего бобрика.

Да не так стало, как мечталось. Заработки были неважные. Расчет хозяева задерживали. В Ромны на Михайловскую ярмарку опоздали.

Разочарованные и обозленные, они группами и в одиночку мимо вешек по снежным дорогам едут до дому, до «ридной» хаты.

За Ромнами они разбредаются в разные стороны, в ближайшие хутора и села, приноравливаясь, чем ближе к родному хутору, проскочить в родную хату незамеченным и по-за

кустиками лещины и терна, по-за задами дворов или просто отсидеться где-либо в балочке на солнцепеке до сумерек.

Вот сидит такой наймит-неудачник, на солнышке греется. Оно хотя и мороз, а кое-где снежок тает. Время тянется медленно, чего-чего не передумает. Думает – и думу свою в печальном напеве излагает:

Упав сніжок та й на обніжок²
И ледочком узявся...
Ишов козак той с України
Та й горя набрався.
Так сів же він на обніжок,
Сорочку латає.
Прийшла й стала дівчинонька —
Стоить та й пытає:
«Чого в тебе, козаченьку,
Ой, сорочка не біла?»
«А чого ж вона буде біла,
Як вже сьома неділя?
Мама нема, сестра мала,
А дівчина далеко,
Та й нікого попрохати —
Сорочку попрайти».

Мотив этой песенки легкий и душевный до наивности. Слова незамысловатые, но эта песня стала народной. Она вышла из глубины XIV века и живет, хотя в прошлое ушло ее

² Межа, граница.

время. Слова простенькие, читаются и тут же запоминаются. Песня сюжетная, без надуманного подтекста, но трогает слушателя за душу. Нет в ней нарочитой образности, метафор, сравнений. Она в целом – образ, точная в выразительности и, как исторический документ, с роменской пропиской.

Хотя может возникнуть вопрос: а почему девушка обращается к парню, как к казаку, а не так, как подобает, как к батраку-наймиту? В том-то и суть, что обращение точное и раскрывает многое.

В то время окрестные села города Ромен состояли из жителей разных сословий. В слободе Попивщине, в Перекоповке и всех, так сказать, «присульных» (вдоль реки Сулы) селах жили казаки. В селе Андреевка жили крепостные князя Кочубея. Анастасьевка представляла скученность хуторов из крепостных многих мелкопоместных помещиков: Суденка, Шкарупы, Ладаньского и Рублевского. Ромны и Засулье населяли мещане и иноверцы. Бобрик и далекий Кролевец сложились из смешанных сословий.

К данному времени, после упразднения казачества и Запорожской Сечи, казаки потеряли свое военное значение, но они не все были закрепощены. Закрепощались в основном «мазеповцы». Сокращалось так называемое реестровое казачество.

Эти «вольные» казаки уже не имели прежних привилегий воинственности, но еще были независимы от крепостничества и помещика. Пользовались собственными наделами

земли. Казачий круг сокращался, расслаивался на богатеев и бедноту. Казак-бедняк вместо службы в куренях или сечи шел на заработки, становился, по сути, батраком-наймитом, но в душе гордился, что он казак, а не «крепостная шкура».

Так же обстояло дело и с сословием крепостных. Помещик был волен одних отпустить в отход по найму за оброк, других обязать отрабатывать панщину или оставить при дворе дворовым. А мог и отпустить из милости на волю. Но куда пойдешь? Где земля?

Вот из таких крепостных, отпущенных на волю, а также из бедных казаков и мещан собирались эти сборища «наймитов-заробитчан» и чумаков. Хотя чумаки тоже различались: одни – сами по себе, другие – от пана.

Вот откуда и идет казак «с Украины» – казак по сословию, батрак по сути, но еще полный гордости, что он «вольный» казак. Хотя и сидит уже на «обнижку» – границе своего мизерного земельного надела, и «сорочку латае», и «нужу чеше», – а все же казак.

А теперь мысленно возвращаемся к своему певцу в затышную³ балочку.

Вот он закончил петь свою песню. С одной стороны солнце греет, с другой – ветерок с морозцем щиплет, и парень поворачивает назад. А там, позади, заснеженная извилистая равнина сколько глаз видит и далеко от горизонта Ромны виднеются.

³ Тихое, уединенное место.

Отсюда, со стороны Засулья, городок очаровательно красив. Стоит он в устье речушки Сухой Ромен – притока речки Сулы, на высоком холме, и издали кажется средневековым замком или крепостью. Видна серая кирпичная стена, сверкают купола церквей и собора, виднеются зеленые крыши домов и соломенные стрихи хат.

К Ромнам много сходится дорог и шляхов. Городок стоит как бы на перепутье, он как будто вышел навстречу опасности и всем ветрам наперекор.

От Ромн уходят на юг три шляха. Три шляха-дороги. Они, вероятно, навеяли в украинскую поэзию символ «трех»: «Ой, у полі аж три шляхи...», «Ой, у полі три дороги різно...» А еще сильнее у Тараса Шевченко:

Ой, три шляхи широкії до купи зійшлися —
По тих шляхах з України брати розійшлися...

Парень уже не раз уходил, оставлял и возвращался в Ромны, рад, что вернулся в родной город. Ему уже знакомо чувство радости встреч и горечь расставаний с родными местами. Он уже испытал и беспокойство сердца об утрате, и боль разлуки... И он не мог не спеть еще одну старинную роменскую песню:

Прощай, прощай, славен Р омен-город
З крутими горами!
Зоставайся, молода дівчина

З черными бровами...
Була б пара хорошему парню,
Та счастья не стала!..

Хорошая песня! Задушевная... Радует, волнует и печалит душу каждого роменца. Особенно она волнует того, кто родился здесь, и уезжает в дальние края, и не уверен, что еще хоть раз в жизни сюда возвратится!

Смеркается... Прощаемся с певцом родных мест. Кланяемся земле и родному Ромен-городу! В сердце увозим эту песню; как талисман, как реликвию, увезем ее туда, в далекие края, куда зовет нас судьба и великая мать Родина – СССР, на ее большие свершения, на добрые дела!..

Между ярами и дубравами запряталось степное село Кролевец. Жило оно себе как заштатное село – от городов в отдаленности, по сословию неоднородное. Осели тут казаки, пришлые мещане и иногородцы-ремесленники, а больше всего тут жило крестьян-хлеборобов – «дворовых и крепостных душ». А «панував» над ними, как передавалось в предании, помещик из атаманов реестрового казачества пан Афанасий Жук. Муж крутого нрава. Деспот из деспотов. Умом, как и всякий деспот, посредственный. Но как умел из трудяги последние силы вымотать, из мастерового – мастерство, а из умного – ум и использовать для своих же интересов и величия! Умел он нужных ему да способных людей взять и кнутом и пряником. К разговорам об их нуждах он как будто

прислушивался, поддакивал, но свое на уме держал. Пуще всего – попасться на «панскую ласку», как рыба на крючок! Его боялись. Коварный и вероломный был помещик.

Привезли тогда в Кролевец чумаки подобранного в глинице мальчика. Барин его приютить велел. Мальчик был из вольного сословия, сирота, и барин сообразил его пригреть, чтобы впоследствии закрепить. И совершил это так тонко, что потом и царские чиновники до правды не могли докопаться. Мол, спокон веку Петро Дробязко, по отцу – «безбатченко», а по матери – сын «крепостной девицы», в реестрах собственности пана Жука в крепостных душах мужского пола то ли числится, то ли нет.

Рос мальчик при воловне. Сперва – пастушком, панских волов пас. Люди дворни чернявого пастушка-сиротку полюбили за веселый нрав и безобидные шалости. Оказался он от природы способным, сообразительным, степенным, но гордым.

Пока он был маленький, помещик на него не обращал внимания. Мальчик был предоставлен сам себе и помощи людской дворни. Потом взял его к себе слепой кобзарь в качестве поводыря, затем приютил и учил грамоте один пьяница-дьякон. Позже он пристал к чумакам, пас им волов, с ними объездил весь юг. Побывал в Крыму, Астрахани. Узнал дороги туда, где соль берут, где сельдь соленую продают. Побывал там, где горы высокие, а море черное да глубокое, увидал, как Дунай волны катит и тростником шумит.

Время шло быстро. Дворня не успела спохватиться, как Петрусь из утешного мальчика вымахал в чернобрового плечистого парня. Тут-то Петро и подвернулся на глаза пана. Это случилось в год нашествия французов на Москву – набиралось ополчение. И вот, по милости барина, Петр попал в ополченцы.

Где бывал Петро, где и как воевал он с французами, нам не известно. Не сохранилось ни легенд, ни писем. Одно известно, что он Отечеству служил, как подобает солдату. Заслужил он и медали, и кресты за усердие. И не без денег вернулся в родные Кролевцы.

Похвалил пан Жук Петра, когда тот волей или неволей о прибытии ему, по всем артикулам устава, представился, да и говорит:

– Иди пока, Петр, туда же, на скотный двор, поживи там, погуляй, поработай, оно уж время о женитьбе твоей подумать. Подумай! Будь во всем спокойным, о твоей судьбе я тоже подумаяю и милостью не оставляю.

Екнуло у отставного ополченца под сердцем от теплых панских слов, да что поделаешь? На все панская воля. А что коварному на ум взбредет, – думай-догадывайся. Думал ли пан? Или о разговоре с Петром забыл? Кто его знает! Хорошо, что долго не беспокоил своей «милостью» Петра.

А дело, известно, молодое. Петр времени не терял. С дохожалыми девушками на «досвитках» заигрывает. Те от него с ума сходят. А Петр мил со всеми, но ни одной предпо-

чтения не оказывает. Тайком с одной молоденькой сироткой где-то без посторонних снюхался, во всем ее уговорил. Все шито-крыто и от посторонних глаз скрыто. Любовь свою верную до поры-времени они скрывают. Знают только зори тихие да месяц ясный, как двое сиротских сердец в шелюгах⁴ милуются, целуются да плачут.

Еще хитрил Петро: по дальним хуторам ездил, слухи распространял, что невесту себе выискивает, да вот по сердцу себе не находит. Это он пану напускал тумана.

Барину, конечно, обо всех ложных похождениях Петра на хуторах панские подлизы доносили. Мол, «донжуанит» Петро! Ладно-ладно, думает барин, побудоражит дурь, а в жены я ему готовенькую подсуну. Быстренько в церкви венцом скрутим, свадьбу сгуляем и молодоженов на дальний хутор Москаливку на жительство спровадим. В этом хуторе издавна все панские романы, как концы в воду, сводились.

Барин уже все предусмотрел для Петра: и место, и невесту. Ждал только окончания Великого поста, чтобы на номинальное воскресенье свадьбу сыграть. А Петро прослышал или разгадал панский замысел, да на третий день Пасхи свою Ириночку под руки, и при гостях на барский двор объявился, и бух пану в ноги, известно, с притворными слезами на глазах молвит:

– Дозволь, милостивый пан, нам с Иринкой свой грех покрыть! Бейте меня, воля ваша, как хотите, меня, виновника,

⁴ Кустарниковая ива.

наказывайте! Я, грешным делом, спокусил Ириночку молоденькую, неразумную! Обесчестил, была девушкой, стала – матерью!

И Иринка тут – в слезы, к ногам пана упала, тоже просит: – Разрешите, паночка, с Петром под венец стать, а то скоро поздно будет.

Смотрит на плачущую Иринку строгий пан, как блудливый кот на выхваченное из зубов сало, и про себя думает: «Как я такую красу подле себя прозевал? Неприметная, босиком бегала, маленькая, зашмарканная, а глянь какой красавицей стала! Да, личико малость того, а животик... ого – округлился. Обставил солдат! Негожа, уже негожа такой в брачную ночь под мое благословение в маскарадном одеянии святой Цецилией появляться!»

И тут обманутый барин на молодых заорал диким голосом:

– Прочь с моих глаз, чтобы я не видел вас! Идите к попу, пусть он, как знает, хоть за пятак венчает! Да не забывай, Ириночка: с сего дня ты не малюточка – на барщину выходить должна! Хотите – плачьте или смейтесь... Спите, живите сами, а на мою помощь и милость не рассчитывайте!

Вот так Петро со своей Ириночкой и получил от барина напутствие и благословение.

С попом было проще. Петро как бы невзначай на свой карман указал, поп понял, сумму назвал, и так они почти без слов сговорились. Поп, как заговорщик, Петра стал с подми-

гиванием поторапливать: не тяни, мол, солдат, смотри, пан передумает!.. Невесту молоденькую упустишь!

А вечером другого дня уже торжественно в церкви богослужение гнусавил: «Исайя, ликуй!» А молодые млели, молились, крестились, присягали в верности. Поп скреплял это пением, провозглашая: «Жена да убоится мужа своего! Аминь!»

Совершился обряд православного венчания.

Ирина смутно представляла свое будущее положение. Проще сказать, она по молодости лет еще и не созрела о нем думать. Она ходила, словно чаша, через край радостью и счастьем переполненная. Для нее теперь, хоть в шалаше, лишь бы с милым по душе.

А у Петра в голове, словно гвозди, засели слова барина, перед венцом сказанные: жениться – не напасть, а как бы женатому не пропасть. Его мучило, где же ему после свадьбы жить, да и саму свадьбу – где и как справить? Пан ему в помощи отказал. Но свет не без добрых людей. Соседи, как добрые люди, на просьбу о помощи откликнулись, пришли – всяких яств нанесли. Петро всего лишь на водку раскошелился, и свадьба настоящая получилась.

Пели, играли, плясали – «молодого князя», «молодую княгиню» в застольных песнях восхваляли. Невеста в смущении кланялась гостям направо и налево, как этого свадебный обычай требует. А Петро про себя думал: «Спасибо вам, добрые люди, что одних в беде не оставили. Пришли, сва-

дью справить помогли, а свадьба кончится – все разойдутся, где же мне «княгинюшка» постель стелить будет? У нас – ни кола ни двора!»

А люди на свадьбе играли как по расписанию: вот уж время подошло «каравай делить» и молодым дарить... Тут поднялась престарая бабуся-бобылка, безродная, одинокая, рюмку из рук молодой взяла и «пiсню весiльную» им спела. Да и молвила: «Люди добрые! Дарю я "молодому князю" и «княгинюшке» все, что сама имею!» Минуточку помолчала, мокрые глаза вытерла и просто, по-матерински, речь продолжила: «Петро, Ириночка, возьмите меня за мать, а я возьму вас за дочь и сына, так и будем жить вместе! Доглянете меня, немощную, помру – вам все останется!» Жених и невеста «матери» низко кланялись, целовали старенькую, а Петро даже слез сдержать не смог от радости, растрогался.

И зажили после свадьбы «молодой князь», «молодая княгинюшка» и старая-престарая бобылка под одной крышей любо и мирно.

К концу года Ирина Петру сына родила – Максимкой назвали. В списках крепостных душ запись появилась «Максим Петрович», а еще через год и дочь на свет родилась – Аннушкой назвали. И тоже в списках появилась ниже запись – «Анна Петровна, крепостная девка, женского пола».

Дни идут. Дети – Максимка и Аннушка – растут, как с воды идут. Ирина и Петр исправно на барщину ходят. Бабуся теперь уже не бобылка, а своих внуков нянчит.

Помещику Ирина нравится. Личиком светленькая, собой кругленькая, словно кровь с молоком. Молодица не молодится, так красавица! Петра барин возненавидел. Старое помнит, спесь затаил и, где только встретит, – придирается. Панские подлизы это замечают и масла в огонь подливают. Петро такой, Петро сякой. А барин к ним прислушивается и опять что-то против Петра замышляет.

Как-то раз от барских глаз Петро не смог незамеченным свернуть с дороги в сторону и скрыться. Встретились с глазу на глаз. Пан и говорит оторопелому Петру: «Вот что, Петр, у тебя жена хорошая, кормящая, здоровьем здоровая, пусть она в покои ходит, кроме своих двоих еще и моего внучка кормит. Молочной матерью внучку будет!»

Петро промолчал, постоял в растерянности, снявши шапку, – и так за панскую милость пана и не поблагодарил. Дома Ирине ничего об этом не сказал. Она в кормилицы к панам не появилась. Помещик вспылил и приказал своим экзекуторам Петра поймать и на конюшне плетью выпороть.

Выпороли палачи Петра. Он зубами от боли и обиды скрипит, а они еще и насмеваются: «Это мы тебя в отсутствие пана так, слегка, других мы похлеще порем. Как-никак ты через жену к пану в приближенные попадешь, с нами как со старыми друзьями еще покумуешься!»

А Петр посмотрел на своих мучителей, с презрением улыбнулся через силу и проговорил как-то двусмысленно:
– Спасибо, хлопцы, за усердие к пану, за науку – век не

забуду! А долг – платежом красен!

Так и не поняли глупые панские прислужники, что значат слова, Петром сказанные. А дней через десять одного из этих двоих кто-то в темном углу зажал и так отвоштузил, что он на второй день Богу преставился. А через месяц и другого постигла такая же участь.

Поговаривали в селе люди: «И кто б это мог сделать, не Петро ли? Так нет! Он в это время вроде на людях был! Не докажешь! Да разве они одному так насолили?»

До барина эти разговоры не доходят, и он на своем настаивает. Теперь он прямо за Иринку взялся. Пока ласково, с уговором: бросай, мол, хату свою бобылке, переезжай с детьми в людскую к дворовым, будешь кормилицею. Иринка – в слезы, отказывается: мол, рада бы, да муж законный не пускает.

Барин опять приказал Петра поймать, слегка отстегать и на всю ночь над прудом голого цепью к вербе приковать и не отпускать, пока не покается. Сказано – сделано! Воля панская! Поймали, но бить не стали. Не нашлось охотников! Наголо раздели, на цепь к вербе у пруда привязали. Комары, мол, голого за ночь доконают и небитого – поумнеет и покается.

Но Петро с повинной к пану не пошел. Ночью как-то цепь из вербы выдернул, руки освободил и в лесах скрылся. Барин смеется: мол, ничего, побегает, поумнеет, как миленький придет, никуда не денется, а нет – так облаву устроим, хуже будет. Ирина, напуганная этим, растерялась, хоте-

лось ей и Петра уговорить панской воле подчиниться, и пана умилостивить – упросить простить Петра. Перевезла детей в барский двор, согласилась быть молочной матерью панскому внуку.

Дни проходят, а Петро не является. Пан придумал еще лучшее коварство. Приказал одеть Ирину в лучшую одежду горничной, кормить с барского стола. Пусть она будет днем няней-кормилицей, а ночью дежурит возле него, перед сном панские пятки лоскочет, пока пан не уснет. Весть эта облетела все село. Долетела она и к Петру в лес.

Петро проникся ревностью, злоба кипела на пана, а тут и Ирина его предала. Что делать?! Что бы ни было, но только к пану, дав зарок, он живым на милость не пойдет!

И Петра в ближних лесах не стало.

По селу поползли слухи, что где-то к дорогам выходили разбойники. Ограбили пана, забрали его лошадей и скрылись. Где-то в гадячских лесах появилась шайка разбойников какого-то Чипки. Чипка панов режет. В приднепровских лесах и камышах появился какой-то Гаркуша. А далеко за Уманью – какой-то неуловимый Кармелюк.

Слухи эти дошли и до ушей пана. Он струсил. Приказал на все окна навесить двойные ставни с прогоничами. Выставил на ночь стражу у дорог к усадьбе. Сам перестал со двора отлучаться.

К Ирине он охолол. Сама Ирина изнылась от печали, осунулась, подурнела. Барин счел за нужное от нее избавиться-

ся. Придумал план, как с ее помощью в качестве приманки поймать Петра. Велел своим верным слугам запрячь волов в крепкий воз, посадить в него Ирину с детьми и со всем ее имуществом и отвезти в дальний хутор Саханский на жительство. Ехать волами не спеша, делать остановки в определенных пунктах: авось Петро клюнет, навстречу выйдет или в Саханское явится. Но все напрасно.

Прошло больше года, как не стало в Кролевцах Петра и опустело «гнездышко» Иры. Она живет где-то в землянке на далеком хуторе. О Петре ни там ни здесь ничего не слышно. Как в воду канул добрый человек! Поговаривали между собой дворовые кролевчане: «Время и пану образумиться».

А барин, очевидно, нездоров. Лунными ночами он бродит по пустынным комнатам, как привидение, а в темные ночи забивается в угол спальни и словно цепенеет в тихом ужасе и мучительном страхе.

В одну из таких темных, тихих ночей на весь большой дом раздался душераздирающий крик и непонятная возня в покоях барина. На крик сбежались все дворовые люди. Никого возле барина не застали, а сам он лежал на полу, корчился в судорогах. Лицо бледное, перекошенное. Правой рукой и ногой не двигал. Невнятным шепотом рассказывал, что его в темноте душил разбойник, скрутил руку и ногу. Разбойник в темноте свободно проник, а затем убежал, хлопая дверью? Трудно было поверить этому невероятному утверждению.

Наутро пришел священник. Умирающий сделал в его при-

сутствии духовное завещание. Разделил поместье на троих наследников. Старшему оставил Кролевцы, среднему – Саханское, меньшему – Москалев хутор. Все движимое велел делить на три доли поровну по жеребьевке. Долг душеприказчика возлагал на попа и среднего сына Ивана. Завещал ему быть перед памятью отца и Богом в ответе за справедливость в разделе наследства и взять в руки все дела по хозяйству во всех трех хуторах до полного раздела и приезда к месту всех наследников.

На третий день пана Панька Жука не стало.

Хутор Сахна и хутор Жука, издавна и территориально, одно цельное селение – Саханское. Хутора разделяла всего одна балочка, даже не балочка, а высохший ручеек. Хутор Сахна (по имени бургомистра, а в дальнейшем арендатора) возник раньше, а хутор Жука еще только в замыслах хозяина вынашивался. Вот на этот еще безлюдный хутор и была выслана жена Петра Дробязко. Наказ Сахну старый Жук передал через верного человека строгий: «Фамилию Дробязко на новом месте не разглашать, заменить ее другой, более скромной кличкой. Землянку для нее построить где-либо на краю хутора, и чтобы она была у бургомистра всегда на виду, как западня волчья с приманкой. А волка жди, схвати, если появится».

Бургомистру трудно было понять смысл намеков пана. Долго думал, что к чему. А как поступить, чтобы в точности выполнить приказ, все же догадался. Велел землянку рыть за

чертой Саханского, за ручейком сразу, на выпуклом взлобке овражка. Место это из окна его дома хорошо просматривается. Землянка окном и входом к ряду хуторских изб при-мыкает. Тепло и светло в землянке будет всегда, поскольку она и зимой, и летом на солнцепеке прогревается.

Не мечтала и не ждала тогда Ирина – жена Дробязко, что в истории хутора ей выпадет завидная доля – быть не просто первой опальной поселенкой, а и фундатором нового хутора Жукова.

Поселилась и зажила Ирина на новом месте.

Максим вытянулся – уже почти подросток. Аннушка вслед, чуть пониже. Они вместе с матерью на полевые работы ходили, с аккуратностью выполняли за мать барскую повинность. Работали на пана днем, а ночами работали для себя. Пряли пряжу, сновали, ткали. Словом, выжили, с голоду не умерли и в собственные домотканые холсты оделись.

А что в душе пережила и передумала осиротевшая Ирина – не расскажешь. Об этом повествуют только сохранившиеся в наших местах старинные народные песни:

Плывуть гуси по Дунаю.
Ой, дай боже, що думаю!
Я думаю мандрувати,
Та жаль роду покидати,
Не так роду, як синочка
Та й ще й одну малу дочку!

И другая:

Летять гуси з-за Дунаю —
Я жду тебе з того краю.
Чи ти прийдешь, заночуешь,
Пожалієшь, приголубишь,
Чи й не глянеш – приревнуеш?
Станеш быты до зачину —
Та й положишь в домовину...
Ой, положиш в домовину —
Не смій глянуть в очі сыну!
Бо я ката не любила, —
Якбы сила – задушила.
Я павою не ходила,
А ростила твого сына.
Летіть, гуси, з-за Дунаю,
Несить вісті з того краю.
Ой, Дунаю, мій Дунаю!
Вернись, милий, з того краю!

Шли годы.

Летом землянку с задней стороны обведали буйные ветры, до конька захлестывала шумящая высокая, волнующаяся рожь. А зимой выюга засыпала ее сугробами. Тогда аж на гребень выпрыгивали при луне зайцы. Подходили к дверям и выли голодные волки. А Петро не появлялся. Уж и старый барин умер, а его все нет.

Медленно и однообразно тянулось время в селах и хуто-

рах в те далекие години крепостного права. Летом скучать не давал тяжелый труд. Редким просветом во тьме были короткие вечеринки, редкие праздники и встречи возле церкви.

А вот когда закончились тяжелые полевые работы, отгулялись редкие свадьбы, потянулись, как нитка в прялке, длинные зимние вечера с прялками, с мялкой, куделью, с шитьем и другими скучными, но легкими занятиями, тогда острее становились духовные запросы. Не хлебом же единым жив человек. Люди тянутся друг к другу. Хочется узнать что-то новое. Услышанную новость жадно обсуждают. Каждая новая песня – уже событие. Ее схватывают на лету и обязательно стараются запомнить, чтобы спеть и другому передать.

Отсиживались люди в лютые зимы в заснеженных, но утепленных соломой хатах. Новые люди извне в селах, а особенно в хуторах, останавливаются редко. Промчатся ли по санной дорожке легкие санки или пройдет одинокий путник на лыжах – и уже разговоры пошли: кто он, что он, куда, зачем? Приход нищих – и то уже событие, и то новость. Пустят на ночлег, накормят, обогреют и засыпят вопросами: где были, что слышали?

В один из таких скучных вечеров забрели в хутор кобзари, два крепких деда. Один повыше, другой пониже, один седой, с длинной бородой, другой – бритый, чернявый, с длинными, чуть припорошенными сединой усами. Оба осанистые, даже слепота и ветхость верхней одежды не лишали их прежнего величия. С торбами и кобзами за плечами, с мальчиш-

кой-поводырем, бог весть откуда они заявили. Их с радостью встретили хуторяне, завели в просторную избу Коноша. Напоили водой и «сыровцем» – квасом, накормили борщом и варениками.

Пришельцы оказались неразговорчивые. На вопросы любопытных отвечали односложно: не знаем, не ведаем. Мы, мол, люди незрячие. Ходим, ничего не видя, а много ли ушами услышишь? Хуторяне разочарованно ждали. Мол, без чарки «оковытой» с этих дидуганов языка не вытянешь. К разговорам кобзарей из угла прислушивалась и Ирина Дробязко, ждала, может, ненароком чего и про Петра слепцы обмолвят. Другие любопытные ждали новостей про ведьм, колдунов, волков и пошаливающих на дорогах разбойников. Ждали. Делали намеки, но старцы словно о другом про себя думали. «Хотя бы что-либо сыграли», – нарушила неловкую тишину какая-то нетерпеливая женщина.

Старцы поудобней уселись рядом, на широкую дубовую лавку, протерли тряпочками инструменты. И вот под пальцами высокого деда зазвенела струна, ей ответила таким же звуком другая из-под пальцев усатого. Вот еще и еще перекликаются нежные струны.

Пауза. Слушатели замерли. Тишина в хате.

Вдруг лицо высокого деда приняло свирепое выражение. Ни дать ни взять – разбойник! Из угла хаты даже сорвался чей-то вздох страха. А струны враз зазвенели слаженно, густо, и высокий дед запел грудным баритоном:

Люди кажутъ, я розбійник – людей убиваю,
А я людей не вбиваю, бо сам душу маю!..

Певец на минуту умолк, рокотали только струны, стонали монотонно, слаженно звенели и плакали в ритм с биением сердец нетерпеливых слушателей. Слушатели от внезапности песни оторопели. «Ой!.. Неужто сам разбойник?.. Кармалюк?.. Устин?.. Петро?.. Нет!» – подумала взволнованная Ирина и глянула на людей. Люди молчали. А певец продолжал:

По дорогах засідаю, подорожного я жду —
Богатого оббіраю, а вбогому віддаю,
О так гроші поміняю, та й гріха не маю!

Кобзарь улыбнулся, взглянул на слушателей незрячими глазами. Улыбка добрая, заискивающая. И опять замолчал. Пели только одни струны, которые, казалось, плакали, звали, убеждали, но песня была новая, слушатели слов ее не знали. Сердца их сдавливали спазмы, першило в горле, кое-кто уже виновато сморкался. Певец вновь чуть шевельнул бровью. Лица слушателей осветились теплой надеждой. И тут запев перехватил черноусый кобзарь:

Як спіймали кармалюка, закували в кандали,
Три дні їсти не давали, в Сібір пішки повели...

И закончил запев речитативом. Переговаривались только струны, а певцы молчали. Смеркалось, слушатели украдкой виновато смахивали непрошенные слезы.

Теперь седой взял новую ноту, опустил незрячие глазищи долу и продолжил песню дребезжащим голосом:

Маю жінку, маю дітей, та я їх не бачу.
Як здумаю про їх долю – сам гірко заплачу!..

Кобзы пели, струны плакали, Ирина Дробязко дала волю слезам, к ней присоединились другие женщины. Высокий кобзарь как-то сник, осунулся, склоняя седую голову к грифу кобзы; казалось, что он сидит, прикованный цепью. А струны звали, звенели, будоражили души. Кобзарь вдруг порлиному вострепенулся и вновь словно всполошил струны. Они заговорили о чем-то непонятном, обнадеживающем, к ним присоединились отчетливые слова кобзаря:

Сонце сходе и заходе – хлопці, не зівайте,
Вы ж до мене, кармалюка, дорогу шукайте!
Сонце сходе і заходе, може, скоро й зайде —
Ви ж на мене, кармалюка, всю надію майте.

Певцы замолчали. Умолкли струны. Слушатели не имели понятия о современных аплодисментах, замерли в оцепенении. Женщины спохватились унять слезы. В хате воцарилась

какая-то неловкость. Выручил черноусый кобзарь. Он легко спрыгнул с дубовой лавки, молодецки притопнул ногой и под аккомпанемент кобзы седого друга пошел вприсядку:

Ой, гоп, чи не так,
кличе дівку козак:
Ходім, дівко, потанцюем,
Ходім, дівко, поцілую!

Тут к танцу подскочили смелые молодцы – и пошло, по-неслось веселье. А уж у нас, на Роменщине, издавна люди повеселиться умеют.

Кобзари переночевали ночь в теплой хате и рано тронулись в дорогу. Куда? Им одним известно. Но люди хутора запомнили надолго тот вечер. Запомнили и их новую песню. И стали петь. Спасибо ж вам, добрые люди, кобзари, за правдивую и хорошую песню.

Кролевцы пережили еще одну студеную и голодную зиму. Она, к счастью, оказалась не такая уж коварная, как предсказывали суеверные старики. Весна наступила рано. Снег стоял быстро. Бурно отшумели быстрые вешние воды. Неглубоко промерзшая земля легко впитывала воду и накапливала к урожаю живительную влагу. От недостатка кормов за зиму погибло много скота. Истощали чумацкие волы, серые, круторогие, хотя всю зиму они были предметом пристального внимания своих усатых опекунов. Каждый чумац, по простоте своей душевной, отождествлял по отношению к волам

себя и пана: он над волами пан, только без волов он уже не пан. Нет жизни без волов чумаку. Всю зиму он поднимался до рассвета, шел в поветь к своим волам. Каждую с трудом добытую охапку душистого сена или вязанку соломы он бережно подкладывал своим воликам. Любовался, как они поедали корм: медленно пережевывали жвачку, посапывая, вылизывали с яслей все до соломинки. С укором смотрели на «пана-хозяина» своими умными, большими глазами: «мало, мало даешь, пан-хозяин, корму». А хозяин гладил их исхудалые бока и, как они, в печали думал и песенно разговаривал:

Воли мои сірі, сірі-половіі, хто ж над вами паном буде?
Ой, той буде паном панувати, хто нас буде годувати...

Чумаки намеревались в эту весну тронуться в дорогу пораньше. Без соли и хлеб не хлеб, и пицца не пицца! Порешили ехать раньше, ехать не спеша, воликов в пути попасывать. А в Кролевцах выпасы плохие, и мало их. А к тому же и молодой барин-наследник в путь поторапливал. Ему достался по наследству хутор за Ромнами, нужно там палац достроить к зиме и со своей дворней туда перебраться. Завезти туда кирпич, кафель, мел. Оттуда сукно завезти в Сенчу на сукновальню. Ехать лучше ромоданским шляхом. Над шляхом выпасы обильные, вольные. Гурты ходят, обменяться волами выгодно можно.

Хоть и с гаком ехать чумакам шляхом-ромоданом, но луч-

ше для их волов, чем ехать шляхом лохвицким.

Хоть и говорится в пословице: «Лохвица – свободница, под шведом не была», не пошли в ту войну лохвицкие, перекоповские да чернухинские казачьи полки за Мазепой. Остались верны присяге. И вот по высочайшей милости царя московского и наследников князя Кочубея остались их села попод Сулою незакрепощенные. Правда, прижал эти села князь Кочубей своими «полями необозримыми» к самой Суле. Но, слава богу, остались вольными, не такими крепостными, как их соседи андреевцы.

Когда едут чумаки по лохвицкому шляху, то и дело оглядываются. Пустят волов на попас, а тут: «Куда?», «Не смей!», «Это мое!»... И подстегивают тогда чумаки своих круторогих, скорей бы дальше проскочить от этого «своего» казачьего.

Чмыхают голодные волы, к обочинам тянутся. Дергают их чумаки, понукают криками: «Гей!.. Гей!.. Цоб!.. Цоб!.. Цебе!.. Цебе!.. Круторогие!..» Злятся про себя чумаки на этих вольных гетманцев, а «сопилка» плачет:

Ой, дуки, ви дуки, за вами всі луки —

Ніде бідному чумаку в дорозі і волика попасти!..

А глянь, по-над Сулою луга ровные, травы словно шелковые, верболазы зеленые-зеленые. Озерца вьюнами да щуками кишат. Тростники над заводами шумят высокие, как ле-

са бамбуковые. Вербы вдоль шляха толстенные-претолстенные, в четыре обхвата. Где дуленастые – в дупле в дождь двум человекам укрыться можно! По-над Сулой цветут буйным цветом разные цветы с весны до поздней осени, а рядом поля, гречихой засеянные, как молоком облиты. Цветут и медом пахнут. Любил эти места чернухинский философ – странник Григорий Саввич Сковорода, земляк края здешнего.

Тщательно собираются в дальнюю дорогу чумаки. Но вот, кажется, все готово. Напоследок еще раз осмотрели и смазали возы дегтем, и в путь-дорогу валка трогается.

Провожать уходящую валку выходят все поселяне. Кумовья «дохилоют последнюю чарку». Кума вручает кумови завернутую в тряпку зажаренную курицу. Жены утирают слезы. Молодожены украдкой целуют друг друга. А девушки, стабунившись, перемигиваются со своими избранниками и немым взором провожают с укором:

Чи я тобі не казала,
Як стояли під криницею?
Не їдь, не їдь у крим по сіль,
Бо застанешь молодицею!..

Возглавлял валку отслуживший солдат Явтух Наливец. Немало он исколесил дорог северной России как солдат, немало поездил по ее югу и Черноморью! Без компаса и карты дорогу выберет и другим укажет.

Предстояла чумакам дорога дальняя и надолго – на все лето! Туда и обратно! Наливец в свою валку чумаков набирал по выбору. Был тут перво-наперво кухарь-кашевар. Да, да! Не просто повар-кухарь, а кашевар, его главное искусство в приготовлении пищи – кашу сварить. Были портные, этих искусство – заплатки латать; сапожники; были и свои «мастера культурного обслуживания» – музыканты, танцоры, певцы и даже поэты-импровизаторы. Были философы-мудрецы, богомольные люди, шептуны, костоправы и знахари – от всех болезней и порчи сглаза помогали. И все это, так сказать, в порядке совместительства, по наитию сердца, как дар Божий, а не в порядке общественной нагрузки.

Сам ватаг совмещал философию судьи, поэта, певца и музыканта. Святого инструмента кобзы в дорогу не брал. Прекрасно обходился сопилкой. Любил он на отдыхе пофилософствовать. Любил он все в мире доброе и прекрасное. Но больше всего – родной край, молодую свою жену, табак, трубку, кобзу и сопилку. С родным краем он часто разлучался. Оставил на сей раз и молодую жену, и кобзу. А вот с тютюном, люлькой и сопилкой он неразлучен. В своем философском кредо он был солидарен с убеждениями Скороды, а в практике – с легендарным Сагайдашним. И всегда после чарки напевал и на сопилке наигрывал:

Мені с жінкою не возиться,
А тютюн та люлька

козаку в дорозі пригодиться.
Гей, мої воли, гей!
козаку в дорозі пригодиться.

Чумак – это он так, при деле, а в душе он – казак! Ведь погляди, какою валку чумаков и волов ведет, и в деле, и в дороге крепко разбирается. Он – чумацкий атаман!

Дарма що в нього в руці не булава, а батіг —
Воли і товариство його слухає!

Уже Кролевцы остались далеко позади. Скоро Ромны покажутся. Всякие мелкие недоделки по снаряжению валки в дороге утряслись. Воли свыклись с обстановкой, идут мирно, жвачку пережевывают, ушами и большими, чуть не метровыми, рогами покачивают:

Із-за гори та з-за кручі
Реплять вози йдучи.
Возы реплять, ярма брезчать,
А воли ремегають.
Попереду чумак іде,
На сопілочку грає...
А сопілочка із калиночки,
А оріхове деньце —
Заграй, заграй, чумаченьку,
Потіш людям серце!

Возле Ромен выпрягли волов чумаки. И пустили их на пастбище. Тут, у речушки Сухой Ромен, выпасы и водопой отменные. Травка поднялась невысокая, а сочная. Чумаки с возов пыль стряхнули, умылись, приаккуратились. Осторожно за мазницы с квачами взялись, втулки колес возов дегтем смазали. Повеселели и волы, и чумаки. Теперь не стыдно в Ромнах показаться. Тут, в городе, и шинки многолюдные, и жинки-молодицы насмешкуватые, но гарни, и всякого люду – не то, что в Кролевце.

Вечерело.

На ночь валка остановилась в Засулье. Тут, у речки Сулы, волов можно также пасти, напоить, выюнов на уху наловить. Волы ночь на лужке полежат, отдохнут. Травки зеленой пощиплют. Правда, здесь есть места трясинные, топкие, но они огорожены. Да волов в черте города одних оставлять без присмотра негоже.

Оставили на стане кашевара кашу варить. Охочих до рыбалки – рыбу ловить. Выделили дежурных на всю ночь за волами посматривать, а чумаки, которые остались свободные, направились в город. По узенькому овражку со ступенчатой дорожкой, что вилась вверх винтом через гору, чумаки попали прямо на базарную площадь.

Выпили у приветливой шинкарки по рюмочке «доброй оковытой», закусили варениками в смальце. Прошлись в толкучке по многолюдному базару, приценились, что почем, да так гуськом направились к собору.

В те времена в Ромнах на базарной площади стояли две церкви. Одна церквушка маленькая, старенькая, с таким же старым попиком. Не зря же говорят: «Каков поп, таков и приход». Другая – новая, большая – настоящий собор. Строение красивое, легкое. Купола на высокой колокольне блестят золотом и на фоне кучевых облаков словно повисли со своими золотыми луковицами и крестами. Внутри храма высокие своды; они, кажется, уходят выше и выше, до самого синего неба; прорывая небесную синь, вниз опустилось большое, сверкающее золотом и серебром паникадило. Сверкает золото и серебро на иконостасах. Разрисованные лики святых – как живые.

Это великолепный памятник рук умельцев своего времени – времени изгнания шведских захватчиков. Правил в соборе роменский поп благочинный. Молитвы провозглашал внятно, торжественно. Радовало чумацкие души пение церковного хора. Чумаки имели намерение зайти только посмотреть, а простояли в оцепенении до конца богослужения. Возвратились на стан в приподнятом настроении. Пение хора да выпитая чарка «оковытой» были всему этому причиной. Старые чумаки, отведав наваристой каши, завалились на возы спать. Молодые же поодиночке разбрелись по слободе Западинцы.

Слобода Западинцы... Мужская половина этого пригорода – поголовно кожевники-сапожники. Женская половина – перекупки. Жили – не тужили, лучше и богаче, чем окрест-

ные крепостные крестьяне. Чембарили – выделывали из сырья кожу. Умело тачали добротные сапоги и красивые женские черевички. Обувь красивая, всегда имела покупателя. Всегда свежая копейка в кармане. Мужчины от субботы и до понедельника прохмелялись, околачивались в шинках. Валялись пьяные где хмель свалит. Женщины перед мужьями-забудыгами в долгу не оставались. Любили гульнуть с заезжими мужчинами. Поозоровать украдкой от не вернувшегося домой мужа. Были бы деньги у избранного да тайна соблюдена неизвестным человеком. Вот к этим кумасям и махнули наши чумаки.

Ночь...

Очаровательная украинская ночь!

Стоит ли мне, грешному, братья за перо и описывать ее – тихую украинскую ночь! Где взять краски и тона после того, как ее описали и воспели мои великие земляки: Н. В. Гоголь, Панас Мирный, Ст. Васильченко, Архип Тесленко, Остап Вишня.

И классики тоже, не земляки, не поскупились на краски: Т. Шевченко, Павло Тычина, Максим Рыльский, а непревзойденный А. С. Пушкин!

Да еще потомок знатного рода граф А. К. Толстой не остался равнодушен и других переспрашивал:

Ты знаешь край, где все обильем дышит?

Где реки льются чище серебра?

Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора?
Туда всем сердцем я стремлюся —
Где сердцу было так легко,
Где из цветов венки плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицько...

Все прекрасно описал граф, но не все видел. Увидел все
Тарас Шевченко и проникновенно описал долю матери:

На панщині пшеницю жала,
Стомилася – не спочивать.
Пішла в снопи – пошкандибала
Івана, сина, годувать.
Воно ж малесеньке стогнало
І плакало у бурьяні.

Тут уже всё, тут уже ничего не добавишь.

Ночь прошла...

Над Сулою зарделось утро. Чумаки проснулись и собрались рано. Разбудили их «ничка-петривочка», соловьи голосистые да петухи горластые.

За ночь волю отдохнули, напились воды из Сулы. Валка волов и чумаков вереницей потянулась избранным шляхом. Двадцать пять верст пройдут чумацкие волю, а там им будет длительный отдых.

Вереница воловых упряжек уже выходит из Засулья. Проходит Бобрик. Передние возы валки, как голова длинно-

го червя, уже достигают Червяковой балки – мостика, а задние возы вон еще у Бобрика, вслед пылят по торному шляху. Тут уже запахло степью. Редкие перелески. Местами еще лежат ували, не тронутые плугами.

Справа, по излучине, отходят еще правее села с ветряками, со своими обширными шляхами на Лохвицу.

Слева, по возвышенности, через ярки и мимо древних могил, мимо новой долины, тянется широкий, в два раза шире Ромоданского, Гадячский шлях. С первых верст он все поднимается на лобистые холмы, потом снижается и отходит левее, мимо ветряков, затерявшихся в ярах берестовских хуторов и сел, выходит к Хорольской долине, к старинному городу Гадяч.

А Ромоданский шлях идет в середине по водоразделу, пересекая верховья неглубоких балочек с редкими мостиками, из-под которых вешние воды стекают в разные стороны: то в бассейн реки Сулы, то в бассейн реки Хорола.

Со всех концов степи веет настоем степных трав. Солнце все вверх, все выше и выше. Тихо. Еще по-утреннему тихо в степи. И вдруг откуда-то со стороны наискосок пролетела птица – чибис. Закружилась в небе над чумацкой валкою и пристроилась вслед, и, как вопрос удивления от внезапности увиденного, по степи разнесся ее плаксивый возглас: «Чьи вы?.. Чьи вы?..» То взмоет вверх, то плавно опустится книзу и все повторяет свой назойливый вопрос: «Чьи вы? Чьи вы?»

Замечу, что чибис – это по-русски. Он водился в стари-

ну во всех местностях. А тут, на Украине, его зовут чайкой. Степная чайка. Если путника, в одиночестве идущего степью, внезапно с неба окликнет эта безобидная степная чаечка своим криком, его проймет суеверных страх.

Чаечка долго-долго будет сопровождать человека своим плаксивым вопросом: «Чьи вы?.. Чьи вы?..» Она, как страж этих первозданных степных уголков, ревниво оберегает их неприкосновенность от вторжения, от губительного варварства, от действий неразумного и злого человека. По-современному – браконьера.

К крику чаечки даже волы не остались равнодушными. Идут, скрипят копытами, помахивают большими головами, настораживают уши, посапывают. А как ведут себя люди – чумаки? Где же их вожак, атаман Явтух Наливец? Он здесь, где ему положено быть! Он любит чаечку. Во рту уже не люлька, а сопилка. Кстати, сопилка – это по-русски жалейка или свирель, но она все же сопилка, ибо сделана из другого подручного материала. Так пусть, впрочем, на своей сопилке и расскажет сам Наливец:

Степом йшли чумаки, весело співали,
Стару чаечку зігнали, чаенят забрали.
А чаечка вьється, об дорогу бьється.
к сирій землі припадає, чумаків благає:
«Ой, вы чумаченьки, стари й молоденьки,
Верніть моїх чаеняток, вони ще маленьки,
Ой, чумаки гожи, та ви ж люди Божи,

Верніть моїх чаєняток, та й вам Бог допоможе!»
І чаечка вьється, об дорогу бьється,
Сидить чумак край дороги, з чаечки сміється:
«Ой, не вернем, чайко! Не вернем небого!
Лети від дороги! Тікай за могили —
Бо вже твоїх чаєняток в каші поварили».

Сколько в этой народной песне красок, поэзии и точности в деталях! И разумной человеческой любви к окружающей природе! Лучше, убедительней и трогательнее не напишешь. А вот у современников концы с концами не сходятся. Ханжества и фарисейства у современных грамотеев много. Пишут...

А чибис плачет, и никто его убересть не хочет! Во многих местах чибиса уже не стало. Губят его ожиревшие браконьеры.

Чибисов в степи в те времена водилось много. На крик одного слетались стаи. Наливец отложил сопилку Принял предупредительные меры: поднялся на возе во весь свой рост, поднял просмоленный кнут, ткнул им вверх, где кружилась стая чибисов, взмахнул в сторону чумаков, погрозил кнутом и опять сел поудобнее. А по пыльной дороге от воза к возу, как эстафета, до самого заднего воза понеслося: «Атаман гневается – не тронь Божью тварь!.. Быты буде!.. А что? И будет бить! Он философ доморослый, а руководитель действенный! Слова с делом не расходятся!»

А волы идут, возы скрипят. Уже Очеретяную балочку

проехали, поворот дороги на слободу Попивщина. Вот в этих участках место для остановки выбрать нужно. Шлях тут как лук изгибается и дальше в степь уходит. По сторонам шляха земля целинная, родючая, кое-где уже вспахана. Чернеет отдельными черными полосами. Виднеются отдельные хуторки. Помещичьи поместья. Справа поместья и хутор Шкарупы, а дальше, под ярком, – кавказского усмирителя Ладаньского, дальше, за яром и дубравой, – хуторок Рублевского. А там, за извилистыми и крутыми яругами, – уже земли и дубравы князя Кочубея. Внука того Кочубея, что вместе с другом Искрой на Мазепу царю Петру донос написали и, по велению зятя, головами на плаху попали. Это его А. С. Пушкин в своей «Полтаве» так восславил: «Его поля необозримы». Поля действительно необозримы, богатства несметные, а вот бедное его крепостное село Андреевку посмотреть можно. Дальше, за изгибом границы земель Кочубея, уже по левую сторону шляха, – хуторок Рахубы, еще левей по кругу – хутор Гонзура, еще левее – хутор Кулябчин, еще левее над яром, поближе к шляху, – хутор Редьки и на равнину, к слободе Попивщине, – Савоцкого. Земля его примыкает к арендуемой земле Сахна и вновь строящегося хутора.

За Очеретяной балкой волы почувствовали усталость, потянулось к обочинам схватить травки. Усилилось понуждение: «Гей!.. Гей!.. Цоб!.. Цебе!.. Цебе!..»

Тут шлях спускается с возвышенности, идет по-над низменной долины. Это земельные уголья церковных прихо-

дов казачьих сел Перекоповки и Андреяшевки. Урочища эти именуются Поповскими ругами. Для попов эта земля была из-за отдаленности несподручной, ее длительное время арендовали разные пройдохи-прасолы.

Одного из таких арендаторов людская память увековечила. Был он из евреев, рыжеволосый, звали его Гершко Рудой. В разговорах навязчивый собеседник, он любил поддерживать беседу поддакиванием: «Так! Так! Так!..» Вот это «так» в названии и осталось: долина – Руда, а балочка – Рештак. От искаженного «Гершко-так».

Рядом с Гершко-таким арендовал землю какой-то Грицько Козак. Арендовал долго и порядком задолжал церковному приходу, а потом сбежал от долгов. Исчез бесследно, но память о нем сохранило озеро – Козаково озеро. Озерцо маленькое, проезжающие чумаки его превратили в затоптанный водопой для волов. На водной поверхности всегда плавали разошедшиеся бочки, клепки и деревянные ведра, выброшенные за ненадобностью.

Летними ночами отдыхали тут чумаки. Горели костры и звенели песни:

– Ой, у полі озеречко!
Там плавало відеречко —
Аж три ночі із водою.
Вийди, дівчина,
Вийди, рівчино,
Поговоримо с тобою!

– Ой, рада б я виходити,
З тобою, милий, говорить.
Лежить нелюб
На правій руці,
Так боюся розбудити.
– Ой, дівчина, моя люба,
Відвернися від нелюба!
Буду стріляти,
Буду влучати,
Як у сизого голуба.
– Ти не стрелиш,
Ти не влучиш,
Тільки нас в житті
Разлучиш.
Сідлай коня и зызжай з двора,
Бо не мій ти, а я не твоя.
– Ой, у полі озеречко!
Там плавало відеречко.
Соснові клепки, дубове деньце —
Не цурайся, мое серце!
Бо як будеш цуратися,
Будуть люди сміятися.
Вийди, дівчино, вийди, рівчино —
Поговоримо с тобою!

Эта народная песня широко распространена. И рискованно утверждать, что она возникла именно здесь. Но символично предание, что у Козака Грицька была молодая жена, красавица Маруся, и вела она по отношению к мужу сход-

ный, как в песне, образ жизни, что и дополняло, к долгам мужа, сложную ситуацию.

За Козаковым озером Ромоданский шлях поднимается по выпуклой возвышенности. Отсюда горизонт расширяется в округности. С возвышенности, как со лба старика морщины, во все стороны сбегает балочки и впадины: одни, извинаясь до бассейна Сулы – вправо, другие – влево, на северо-восток к бассейну реки Хорола. На самом взлобке возвышенности, по правую руку, у шляха в то время стояли полуразрушенная корчма и почтовая станция. Первые годы века тут всегда было многолюдно. Теперь почтовая станция упразднена. Число проезжих людей сократилось. Шинкарь лишился доходов, корчма разрушается. Вытоптаный широкий двор шинка зарастает бурьяном, чертополохом и лопухами репейника – вот и зовут чумаки это урочище Репьяховка.

Тут чумакам любо сделать остановку, пустить волов на вольный выпас. Пусть ходят; никуда не скроются. Отсюда все балочки как на ладони видны. Никто не спросит, не накричит – «мое». Это земли осиротелых владельцев да сбегавших арендаторов. Примыкают они к водостоку, к землям спорным. А раз спорным – значит, обезличенным. Учудил это сынок князя Кочубея: проиграл их в карты панку Рахубе, а Рахуб, не успев их узаконить, проиграл захудалому помещику Кулябко. Теперь где-то в Петербурге, в сенате, тяжба тянется, а крестьяне друг с другом дерутся. Одни – земли

«нашего пана», а другие – «нашего князя». Вот и увековечили урочище Спорным.

Спорное разделяет неглубокий яр, мокрый, заросший мелкою лозою, в лозах – топи (трясины) скрытые. Зайдут ненароком сюда чумацкие волаы и тонут. Хорошо, если голова и хвост торчат – иногда удается вола из топи вытянуть, а опоздал – все, пропал вол! Вот и увековечили чумаки этот ярок – Вырвихвист.

Вторая половина Спорного – за ярком, Вырвихвист – спорная степь. Но это не степь, а выпасы перегонных гуртов скота, закупленного прасолами.

Прасолы под весну у крестьян отощавший за зиму скот за бесценок скупают. Все лето его тут нагуливают, а осенью перепродают. Барыши огребают. Все более глубокие балочки плотинами перегорожены, пруды водой заполнены. Степные водопой.

Вот тут, проехав Руду и Рештак, против Козакова озера, наши чумаки, по команде Явтуха Наливца, и остановились станом.

Груз, что навязал им кролевещкий молодой барин свезти попутно до хутора Саханского, доставят, скинут, слабых волов на лучших обменяют. Да еще пары две волов с возами к валке добавят и двинутся на Сенчу, на Ромодан и аж на самую Полтаву.

Там, уже за Ромоданом, откроются нашим чумакам и степи, и шляхи полтавские. Дубовые роци, хуторки с беспокой-

ными ветряками, с хатками в вишневых садках. И с далеко видимыми степными могилами, которые с буйными ветрами вечно разговаривают:

Ой, в полі могила
З вітром говорила:
«Повій, вітре буйнесенький,
Щоб я не чорніла,
Щоб я не марніла,
Щоб на мені трава росла —
Та ще й зеленіла».

Эти благодатные места и вдохновили незабвенного Ивана Петровича Котляревского написать:

Віють вітри, віють буйні —
Аж дерева гнуться.
Ой, як болить мое серце,
Сами сльози льються...
Выдні степи полтавські
И місто Полтава —
Привітайте мене, сиротину,
І не вводьте в славу...

Здесь эта песня сочинилась, здесь взяла свою чарующую мелодию, высоко взлетела и полетела по всей Украине, по всему миру. И на каких бы подмостках она ни звучала, у себя на родине или на чужбине, в заграничных театрах, слу-

шатели, даже не понимая ее слов, не остаются к этой песне равнодушными.

Разбрелись неразлучными парами чумацкие волы, серые, длиннорогие, по всему выпуклому взгорью. Нажрутся сочного пырея, свернут к балочке, напьются чистой водицы – и сыты. Осторожно, с блаженными вздохами, улягутся в зеленую траву, как в перину, жмурят свои лиловые очи, словно о чем-то пережитом вспоминают, понуро клонят в дремоте большие морды долу. Не спеша пережевывают отрыжку, вздыхают полными боками.

Чумаки тоже за эти три дня вволю отоспались на своих возах, на мягкой соломе, накрывшись с головой неразлучными суконными переями.

Теперь уже им и спать не хочется, и скука от безделья сердце гложет, и затылки чешутся. Хотя бы откуда-либо посторонний человек появился. Поговорить, послушать забавные истории, сидя с дымящей в руке трубкой.

А вот его, словно на молитву, сам Бог Господь послал. Вернулись от Сахна обменянные на тощих быков местные сытые. Пять пар здоровых, упитанных! И еще с молодым чумаком, с парой бычков к чумацкой валке Налевцу в придачу. По воле молодого барина Сахно, и тот постарался. Приказ барина в точности выполнил.

Теперь ниже авторская речь неуместна, бледна. Послушаем прямой чумацкий разговор, из преданий и легенд почерпнутый.

– Бог поміч, добрі люди!

– З доров, брате!

– Кажеш, до нашого полка прибивсь?

– Е ге ж, так.

– О, це діло!

– А звідки ж ти, парубче?..

– Я щось не запам'ятав, а ніби десь бачив! Ч ій же ти, як призвище?

– Та я ж з кроливець, а звать М аксим, а по батьке Петрович!

– Так це ти Я ринін син? О т чудесія, а я не визнав? Ти диво чудесія, та й годі? Та я ж тебе, чоловіче, з колисочки знаю! А який вибехався. А було ж таке – пробачте – соплячок! М аленьке, тихеньке, з маличку богобоязливе! Якось замість пісного борщу – скоромненького лизнуло и розривилося – бозя мене, грішного, битеме! Ой, сміху тоді було! Тоді ж тебе Скоромным прозвали. А старому панові таке призьвісько до вподоби!.. Що було, то було!.. А як же тебе, молодий чумаче, тепер не в жарт називати! Чи Скоромный, чи пан той з кроливець!..

– Та ні! Не те, дядьку! Пан по ревізії мене звелів записать в книги так, щоб було те і друге на третє схоже. Я тепер Скоромець М аксим Петрович – сын Дробязко, та й мати на цю хвамілію переписана.

– Так це знаття – Скоромець. Це ще хвамілія підходяща! При ревізії старий пан інших наділив: і Нетудихата, і Нету-

дипуп, і Здун, Затуливітер. Скаженій був пан! А як же ти сюда, на новий хутір, попав?

– Пан звелів.

– То воно – наше діло таке... А як же про твого батька Петра?.. Не чуть?

– Таке!.. Таке!.. Тоді як побили його, як дременув в ліси, ходив він тут довго, на зірці ховався, а може, й ножа на грішнім ділі схватив?

– Він у тебе, М аксеме, був – орел! За декого, йому люди дякували! Та й пана страхом загнав! А на Я ринку він зря разгнівився, то діло, звісне, жіноче. А нащот пана, то щось йому помішало?..

– Давне діло... Мені вірний один чумак розказував: по Чорноморью твій батько вештався. Та за Дунай, похоже, дременув. Хлопець вш був гарний. З якоюсь другою знюхався – та й зажили бони за Тихим Дунаєм – в Бессарабии чи Черногорії. Подейкують люди, що воля вийде, ждїть, вернется.

– А мы вже й не ждем. Забули! Мати рідко згадує. Сестра уже шдросла, з Наливцем одружились. Мене женили...

– Уже и оженився? Ой, роки ж біжать – аж не віриться!.. А жшку ж як звать?

– Ганна!..

– И що вона? Оставив вагітну? О, це дшо! Повернишся додому, молодий чумаче, синочка охристиш! Щоб, як кажуть: простому роду не було переводу, не журись, Максиме!

Всем чумакам понравился молодой чумак Максим из

Кролевец. Смирный. К волам прилежный. На жалейке хорошо играет. В среду и пятницу скоромного в рот не берет.

Определил Явтух Наливец молодому чумаку место вторым в валке после себя. Молодому чумаку наставник требуется. Да и родня же они, и поговорить, и на сопилках поиграть в дороге можно.

Тронулись чумаки в дальнюю дорогу. Послушаем же, что он нам на сопилке сыграет. Потекла в степь чарующая мелодия:

Ой, не жалко мені ні на кого,
Тільки жалко мені на отца свого.
На отца свого та й на рідного,
Що лишив він мене, малолітнього.

Та й женили мене, нерозумного,
Молоденького й малоумного,
Та й узяв жінку не до любові:
Не біле личико, не чорнії брови,
Ні снопа звязать, ні слова сказать —
Як звяже сніп, він розвяжеться,
А слово скаже – не наравиться...

«Еге-ге, – мотали чубатыми головами чумаки! Вот ты какой, Максим, человек! Хорошо играешь, душу наизнанку выворачиваешь».

Вот с этого дня на многие годы и началась для Максима

Петровича непоседливая чумацкая жизнь. С ранней весны до глубокой осени он не разлучался со своими великими побратимами – чумаками, жил на возу, в степи, то в дороге до места, то на обратном пути.

А дома его ждала-выглядала молодая жена Анна. Ждала и часто про себя шептала: скоро ли наш «батичко» домой заявится? Выбегала ночами на бугор за хутором и долго-долго прислушивалась в темноте ночи. Не слышно ли поскрипывания возов на далеком Ромоданском шляхе? Потуже затягивалась красным шерстяным поясом с кистями. Тогда сердце ее начинало биться учащенно и гулко. Под сердцем что-то теснило и шевелилось, и это биение ее тревожило и одновременно радовало. Она жила и радовалась еще неиспытанным чувством доброй матери.

С рассветом она выходила в поле, жала на панщине созревающую рожь. Дома, вечерами при луне, выдергивала пасконь между матеркой конопки. Мяла, трепала вымоченную коноплю в кудель. Обмазывала к зиме хату. Зашпаровывала на стенах щели желтой глиной, белила их мелом, заботливо во всем хлопотала, как щebetунья-ласточка над гнездышком.

Раздел поместий Жука затянулся надолго, чуть ли не на два десятилетия. Нужно было дожидаться совершеннолетия наименьшего прямого наследника. Снять опеку. Погасить долги. До дня раздела главным его опекуном и управителем был средний сын умершего, Иван Жук. А он с разделом по-

чему-то и не спешил. Но как бы веревочку ни вить – концу быть. Черный день настал. Съехались все наследники с женами и родственниками. За основу дележа было принято завещание умершего отца. Начали дележ любо-мирно. По-родственному. Легко поддавался дележ поместий, земельных угодий, скота, птицы – тут все шло по завещанию. Но вот дело дошло до инвентаря: посуды, тканей, книг, картин и других ценностей. И тут родственной теплоты не стало. Возникли споры. Повеял холод недоверия, сомнения, зависти, жадности и злобы. Мелкие ценности не всегда поддавались равноценному разделу, и их решали рвать или резать на куски. Когда разгорался спор, такие ценности просто уничтожали, чтобы никому не было обидно, чтобы никому не досталось.

А самое жуткое проявилось тогда, когда объявили списки раздела крепостных душ. Тут всплыли ужасные вещи: многие дочери оказывались оторваны от родных престарелых матерей, сыны лишались отцов и братьев, навек порывались другие родственные и семейные связи. Поднялись душераздирающие крики и вопли, от которых стыла кровь и содрогались человеческие сердца.

Однако жадные и обозленные наследники не обращали на это внимания, рады были, что подошли к концу раздела. В последний день они разругались до драки и разъехались, не простившись, с таким чувством, чтобы больше друг друга не видеть.

Теперь Кролевцы навек оторвались от своих дальних хуторов, обеднели, притихли. Постепенно стали отмирать все экономические и родственные связи между близкими людьми. Словно большой пожар пронесся над многими судьбами. Время испепелило все воспоминания о прежних связях. Они еще долго-долго вспыхивали мелкими искорками, как тлеющие угольки в золе, и наконец навсегда погасли.

Судеб Ирины, Максима и Анны эти события уже не затронули. Они жили на новом месте, на новом хуторе Жукова.

Осенью возвратился домой с первого похода в Крым чумак Максим. Семья его встретила с радостью. Первой новостью был рассказ о том, что у него родился сын и поп окрестил его Федором, а второй – что молодой пан Иван со всей дворней из Кролевец переселился в новый дом, а их хутор назван Жуковым.

Отклонимся в сторону от главной темы. Несколькими штрихами обрисуем портрет молодого барина Ивана Жука.

В юности он учился в Киеве, в том же коллегиуме, где чуть раньше учился его старший коллега Григорий Сковорода. Сковорода, вопреки своему кредо «Нехай в того мозок рвется, хто високо в гору прется», окончил его, а Иван Жук – нет. Бросил.

Молодой барин порвал все учебники, сжег все святцы и махнул домой, в родные хутора. Отец не ругал. Даже одобрил поступок сына. Рад был, что «дитина вернулась до рідной хаты. Хай, мол, сын теми науками голову не суше. Хиба ж

таю науки панові до цуки?». Мол, голова сына и руки для хозяйственного дела нужны!

По приезде сынок сразу зажил вольным казаком. Поживет с месяц под отчей крышей, да и двинет на хутор под Глинское, погуляет там и оттуда за Ромны на дальние степные хутора зайвится... И живет так паныч по хуторам, где все обильем дышит. Вечера проводит с хуторскими парубками да девками «пид тихымы вербамаы». Зиму – на «досвитках» да игрищах. То забредет в соседнее поместье, то ночь проведет в поле у костра с проезжими чумаками, то к косарям на покос завалится.

Забрел он как-то к косарям пана Суденка. Косил и кашеварам для косарей кашу варить помогал. Нажрался каши – живот вздуло. Не стесняясь обедающих косарей, как даванул свой живот – громом загрохотало. Пожилые косари плюются, молодые смеются. А он стоит как ни в чем не бывало и по-философски резюмирует: «А зачем, люди, злой дух внутри держать?» – и опять к каше. Иные осуждали пана-хама, а нашлись и такие, что за все подобные выходки его на все лады восхваляли: вот, мол, пан и простой, и нашенский.

В распутстве молодой наследник перещеголял своего папашу. Только он не проявлял такой наглости и жестокости, как папаша. И с ранней молодости до старости в этом вопросе он слыл милостивым паном. Начал он с того, что забрел как-то в Шкарупын хутор на «досвитки», т. е. на посиделки. Девушки сперва сторонились, словно курочки, когда чужой

кочет залетит к ним в закут. Жмутся степные красавицы, отворачиваются, на вопросы отнекиваются, а паныч и не стал надоедать им. Вечер проходит, ночь наступает, а он сидит себе в уголочке, ни дать ни взять – сельский хлопец. Пообвыкли девушки. Не выгонять же его такого с хаты в ночь-полночь. Эту ночь так и пролежал паныч в покуте под образами. Девушки его и впрямь за смирного хлопца приняли. Ушел паныч, а девушки давай на все лады судачить про смирного пана. Спустя некоторое время он еще раз наведался. Как свои своего приняли. Хотя и побаивались. Паны с добрыми намерениями к простым девушкам не ходят! А паныч и так и сяк – ужом перед девушками вертится. Как рыбак на крутом бережку рыбку высматривает... И рыбка клюнула! Лучшая на все «досвитки» девушка Акулина Собкивна не вытерпела и с паничем на душевный разговор навязалась.

Тут автор со своей косноязычной речью в сторону. Послушаем, как передает легенда, о чем паныч с девушкой разговаривает:

– А ви, паночку, знову у нас спатимете?

– А куди ж я против ночі дшусь?..

– Ото ж я думаю, куди вам: і нічь, і віхола Віє? Ночуйте вже якось у нас. Якось постіль постелим.

Только об этом и поговорила Акулина с паничем, но девушки-подруги все слышали, и это уже много значило. Стали укладываться девушки спать и молча на Акулину поглядывают: стели, мол, своему пану. Да Акулина и без того со-

образила, что зря ввязалась в разговор. Стелет панычу постель опять под образами, на широкой лавке. Пока стелила, подруги улеглись покато на полу и общей дерюгой прикрывались.

Теперь уже Акулине в куче среди них и места нет. Крутись-вертись Акулина, а ложись сама с краю рядом, ниже постели пана. Склонялся ли паныч ночью к спящей Акулине, шептал ли ей ласковые слова или просто нечаянно к ней свалился, как падает снег на непокрытую голову, – никто из спавших рядышком подруг не слышал, а если и слышал, так что же тут особенного? Подруги друг о друге хранят в таких случаях тайну. Хранит тайну и предание.

На следующий вечер паныч не пришел. Девушки о нем и не вспоминали. Да ничего в этом зазорного или позорного они и не усмотрели. Существовал тогда в отношениях девушек с парнями на «досвитках» неписанный закон чистейших чувств. Парни по-рыцарски оберегали целомудрие своих избранниц. Ревниво, иногда долго, до венца.

Весь вечер девушки провели в веселье. Никаких колкостей и намеков в адрес Акулины не было. Только как бы невзначай кто-то запел новую песню:

Ой, дівчино незамужня!
Не лягай спать з дворянином,
Бо не можна!
Бо дворянин – чисто ходе,
Не одну він дивчиноньку

З ума зводе!
Зводе з ума, ще й з розума —
Зоставайся, дівчинонько,
Тепер сама!

Трогательно и задушевно лилась песня, звонко, с задором ее выводил чарующий голос самой Акулины. Особенно ее голос выделился рефреном:

Не сама я зостаюся —
Все вже в лузі на калині
Розувілося!

Теперь паныч на посиделках стал свой человек. Он приходил свободно, «жартував» со всеми девушками хутора, по разу с каждой в отдельности. Тискал их, мял, а девушки в ответ весело хохотали.

Иногда притворно визжали: «Ой, геть же, паночку! Ой нуте все!» (и оно звенело, как «нуте ще»). Им было весело, брала даже гордость, что добрый пан не замечает их бедности, не брезгует. Паныч хитрил, чтобы девушки не замечали, кому он отдает предпочтение. Вызывал ревность красавицы, певуньи и плясуньи Акулины.

Однажды он «зажартувався» с Акулиной очень долго, так что они в итоге перешли на шепот. Акулина даже пожалела паныча: «Чи вы не замерзли» и, словно невзначай, прикрыла его своим «беленьким ряденьцем». Никто из тут по-

котом приготовившихся ко сну девушек не прислушивался к их шепоту. Мало ли что бывает на «досвитках»? Вчера я тут так же шепталась («модила») со своим парнем, а сегодня ты упивайся, подруженька, своим счастьем, а оно, свое, тоже будет.

А паныч в это время нежно да так трепетно плакался на ушко Акулине, что он несчастный, что он барин и ему нельзя с крепостной связывать свою судьбу, что он ее очень, очень любит, ой как любит, но он жалеет ее больше себя – и уже никогда больше сюда и не заглянет; что нужно так поступить, пока еще не окрепла их любовь. Ее он больше не будет трогать. Напоследок, мол, дай я тебя поцелую. Акулина растрогалась и не успела оттолкнуть, как пан жадно впился в губы, так жадно – Акулина аж подскочила как ужаленная.

– Правда, правда, паночку, не треба. Идись себе з богом, идите!

– Ухожу, ухожу, моя ясочко – и вопреки своему сердцу больше и не подойду близко. Разве что где-либо летом так, что никто и видеть не будет, в подарок красную «стричку» принесу на память.

И ушел.

Акулина лежала одна. Горело лицо от неожиданного поцелуя, горело все тело от непонятного ей чувства, было страшно, хотелось плакать. Однако откуда-то из глубины сознания ее брала гордость, что вот она такая красивая и славная девушка, что ее сам паныч любит!.. А может, он обманывает?

Обманывает? Ну ладно! Я его тоже повожу. Меня не обманешь, панычку! А разве он обманывает? Он же сам с этого начал, сам!.. Он ко мне нахально не лезет! Ленту пусть пришлет. Никто нас видеть не будет. Возьму ленту и убегу!

Так и уснула Акулина с этими думами-думами о неиспытанной первой любви, о девичьем счастье быть красавицей!

Действительно, на посиделках паныч стал появляться раз от разу все реже, и казалось, что он Акулину оставил в покое. Никому и в голову не пришло, что их встречи перешли на тайные свидания вдали от посторонних глаз.

Только стали замечать, что Акулина стала реже появляться на вечеринках. Стала меньше петь – жаловалась, что ей что-то нездоровится, что охрип голос. Подруги не придавали этому значения. А время шло. Лето на исходе. И вдруг по хутору разнесся слух – Акулина в «коморе» родила девочку. А от кого – бог его знает. Теперь на вечеринках и вообще на людях она перестала показываться – подруги чурались. И днем, и ночью она пряталась от людей со своим ребенком. Отец и мать теперь спохватились «учить» ее за всякую оплошность, в работе укоряли и часто били.

Ребенок требует заботы и ухода, а тут еще оброк панщины на дом принесли, старая мать больная с ног свалилась – ее заботы на Акулину перешли. Сделает Акулина неотложную работу и за выполнение для барина оброка берется, руками шьет, а ногами колыбельку с малюткой качает. Ребенок стонет, чего-то просит, плачет, а сердце Акулины печалью

исходит. Чего же тебе, мое серденько? Откуда ты, такое горе и мука, на бедную голову свалилось?.. В жар бросило. Хоть бы освежиться негою вечера. Открыла оконце. А там!..

Подруги-девушки за тыном на бревнах собрались – песни поют. Встрепенулась Акулина. К песням она душевное приращение имела. Льется широко, свободно незнакомый Акулине мотив. Хорошо тянут подголосками ее бывшие подруги, а та, что выводит, явно фальшивит, хочется к напеву хотя бы мысленно пристроиться. А какие же слова – Акулина не знает. Хоть бы некоторые разобрать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.